

довательность букв агванского алфавита, А. Г. Абрамян конкретизирует приведенное наблюдение А. Г. Шанидзе, подчеркивая, что буквы для обозначения специфических для удинского языка фонем здесь размещены рядом «с буквами, имеющими (точнее было бы сказать — передающими — Г. К.) родственный звук и легко узнаваемыми». «Выяснилось, — продолжает автор, — что в алфавите агван поставлены рядом три вида *i*, два *l*, три *x*, два *h*, два *k*, два *č*, три *š*, четыре *č*, два *w* и два *s*. При этом здесь налицо не случайное допущение ошибок переписчиком-армянином; писец, не будучи хорошо знаком с начертаниями и звуковыми значениями алфавита агван, неверно предполагал, что в тексте допущены ошибки из оригинала, и по своему усмотрению изменял значения тех букв, которые имеют аналогичные названия» [11, с. 26]. Однако насколько справедливо такое мнение, может показать лишь дальнейшее исследование, когда фонетические значения соответствующих букв удастся проконтролировать строгим образом.

Бросается в глаза еще одно обстоятельство: минимум расхождений в порядке первой десятки букв во всех трех закавказских алфавитах (особенно далеко идущие совпадения характеризуют на этом отрезке агванский и армянский алфавиты, единственное отличие которых заключается, по-видимому, в том, что на месте армянского *e* находим агванское *e*).

Значительно менее ясным остается вопрос об исходном «рабочем» материале, который должен был лечь в основу конкретных графем агванского алфавита. Решающее слово в его разрешении будет принадлежать специальному палеографическому исследованию, которое станет возможным тогда, когда фонетические значения букв алфавита будут надежно определены. Однако уже в настоящее время можно видеть, что на роль такого материала неспособно претендовать пехлевийское письмо, как известно, представленное одновременными памятниками исторической Агвании, в частности в Дербенте, и не обнаруживающее близости к агванскому (этого, естественно, и следовало ожидать, если учесть определенные силы отталкивания от сасанидской культуры, стоявшие за самой идеей создания агванской письменности). Некоторые соображения самого общего порядка приводят к мысли, что в качестве исходной основы здесь могла послужить некоторая разновидность арамейского письма северномесопотамского дукта, употреблявшаяся ранее в Закавказье, которая была использована и при создании армянского и грузинского алфавитов (ср. [18, 10]). При решении этого вопроса важно будет, в частности, выяснить, в каком отношении оказываются агванские буквы к их соответствиям в армянском и грузинском алфавитах (определенный свет на его решение может пролить и порядок букв агванского алфавита).

Первый из двух наметившихся в этом отношении подходов констатирует формальное сходство лишь у фонетически сходным образом ориентированных букв агванского, армянского и грузинского алфавитов. По мнению А. Г. Абрамяна, «первообразом для букв алфавита агван являлись буквы армянского и грузинского алфавитов. При этом во время начертания знаков агванских букв составитель алфавита стремился к тому, чтобы новоначертанные агванские знаки резко отличались от своих прототипов. Во время начертания алфавитных знаков заметно частое употребление метода перевернутых букв, убавления или прибавления выступов и т. д.» [11, с. 34]¹. Другой подход к разработке этого вопроса, отражающий преимущественно в работах Г. Г. Севака, проводит графические параллелизмы, полностью отвлекаясь от конкретной фонетической соотнесенности букв в каждом из этих алфавитов (впрочем, согласно точке зрения Г. Г. Севака, все три закавказские системы письма строились не на арамейской, а на южно-семитской графической основе [20, 21]). По-

¹ Точку зрения о производности агванского алфавита от армянского и грузинского, а не непосредственно от некоторой разновидности арамейского письма см. также в статьях [10, с. 66—67; 18; 8, с. 447].